

Русские на Мариенплац

Рождественский роман в 26 частях

Владимир Кунин

РУССКИЕ НА МАРИЕНПЛАЦ

Рождественский роман в 26 частях

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Кунин, В.

Русские на Мариенплац: Роман / В. Кунин. – М. : Т8
RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 458 с.

ISBN 978-5-521-74525-8

Роман «Русские на Мариенплац» отправляет читателя в начало 90-х годов XX века и рассказывает удивительные и гротескные истории трёх совершенно разных русских эмигрантов. Акробат-эквилибрист Эдуард Петрович из Москвы, девушка Катя Гуревич из Ленинграда, точнее, из Израиля, и танкист Нартай Сапаргалиев из Алма-Аты волею судьбы оказались в Мюнхене на Мариенплац...

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74525-8

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Текст. В. Кунин, 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

*рассказанная Автором, — о том, что обычно говорят
киносценаристы и как некоторые из них попадают в
Мюнхен...*

...Боже! Как я устал от кино! Как мне надоело сочинять киносценарии!.. Как осточертело мне это постоянное конструирование, перетасовывание известных сюжетных схем и полная беспомощность, когда видишь, как твой сценарий, который ты считал умным, ироничным и многоплановым, расплзается по всем швам и принимает убожеское экранное выражение.

Так я говорил себе двадцать семь раз в своей жизни и тупо садился сочинять новый киносценарий.

Лишь пять фильмов из тридцати двух, снятых по моим сценариям, не вызвали во мне жгучего желания бросить все к чертовой матери, немедленно разбить голову о стену и, если Боженька оставит меня после этого в живых, заняться каким-нибудь совершенно другим ремеслом.

Иногда удавалось напечатать сценарий в каком-нибудь зачуханном журнальчике или альманахе с мизер-

ным тиражом. Я скупал сотни экземпляров и раздаривал их шоферам такси, водопроводчикам, сотрудникам дорожной милиции, соседям по дому и маленьким чиновникам, от которых зависело мое сиюсекундное маленькое благополучие. И, конечно, всем своим друзьям, от которых ждал только одной фразы: «Сценарий намного лучше фильма!..»

Но однажды со мной произошел невероятный в нашей системе случай.

В самом начале перестройки, когда будущее казалось радостно-таинственно-светло-прекрасным, один мой сценарий произвел фурор и достиг такой скандальной известности, что был издан отдельными книжками только в пределах моей страны девять раз, с общим тиражом в два с половиной миллиона экземпляров!

А усилиями одного западногерманского издателя — еще в двадцати трех странах на семнадцати языках, от Америки до Китая, включая практически все страны Западной Европы.

Километровые очереди стояли у касс кинотеатров всей нашей страны, чтобы посмотреть довольно средний фильм, снятый по этому сценарию и триумфально шагавший по экранам всей, тогда еще не рассыпавшейся, империи!

Сорок два театра играли пьесу, наспех сострепанную мною по просьбе одного великого русского театрала. Когда на его предложение написать пьесу для театра по этому сценарию я ответил, что не умею писать пьес, он с ласковой снисходительностью маршала, на секунду заглянувшего в окоп к рядовому солдатику, сказал:

— Ну, это же так просто, мой дорогой. Слева — кто говорит, справа — что говорит...

Я стал богат и знаменит.

Знаменит настолько, что об меня вытерли ноги почти все газеты и журналы Советского Союза. А самая главная газета нашего государства даже обозвала меня «порнорэкетиром».

А богатым я стал настолько, что сумел отдать все старые долги и купить новый автомобиль взамен сгнившего.

Но была и еще одна грань моей внезапно вспыхнувшей популярности. Меня стали приглашать работать иностранные кинофирмы! За треть нормальной цены, но...

Не хотите ли написать что-нибудь русско-японское? Или франко-российское? А может быть, чего-нибудь российско-германского, а? Теснейшие связи Германии и России (забудем о войне) своими корнями уходят в такую глубь державных постелей и веков, что просто грех об этом не вспомнить!..

К тому времени перестройка уже перевалила через апогей своей привлекательности, и я ухватился за спасительную мысль об историческом сюжете.

И нашел такой сюжет. И даже сочинил сценарий.

Усилиями трех переводчиков, рекомендованных мне иностранной комиссией Союза писателей, сценарий был переведен на немецкий язык и без промедления выслан в Мюнхен, в кинофирму, которая была особо настойчива в своем желании пригласить автора российского бестселлера для работы на Западе.

Сладкое, дурманящее иноземно-валютное облако будущего обволакивало отныне мое существование.

Судя по тому, что немцы прислали мне даже аванс, им понравилась идея и общая благодушно-историческая направленность моего сценария. Однако они хотели бы, чтобы уважаемый автор на пару недель прилетел в Мюнхен для уточнения некоторых эпизодов. Естественно, что все расходу... И так далее.

И я прилетел в Мюнхен.

В аэропорту я был тепло встречен помощником президента фирмы, привезен в небольшой, но уютный отельчик, а спустя час — тщательно выбритый, умытый и приодетый, со сценарием под мышкой — предстал перед самим президентом, который тут же потащил меня в какой-то невероятно дорогой ресторан.

За столом с нами сидел переводчик — симпатичный бородатый толстяк лет тридцати пяти по имени Виктор. Он родился и вырос в Мюнхене и разговаривал по-русски в забытой, старопетербургской аристократической манере академика Лихачева.

Именно от этого толстяка-симпатяги я и узнал, что немцы почти ни одного слова не поняли в моем сценарии, так как по-немецки его прочесть было просто невозможно. Ибо немецкий язык, которым владели те три московских переводчика, был языком челяди Франца Лефорта времен Кукуевской слободы при Петре Великом...

— Нет ли у вас с собой русского варианта? — спросил президент.

Я положил сценарий на стол между форелью в белом соусе и скампи с чесночной подливкой.

— Прекрасно! — сказал президент. — Мы отдадим ваш манускрипт Виктору, он его сегодня ночью прочтет, завтра утром перескажет мне своими словами, а потом сделаем нормальный перевод. А пока не хотите ли еще немного водки?..

На следующее утро позвонил Виктор, рассказал, как понравился президенту его устный пересказ моего сценария, и сообщил, что сегодня я могу быть свободен от всех кинематографических дел. Спросив, нет ли у меня каких-либо проблем, и получив бодрый отрицательный ответ, Виктор распрощался со мной до завтра.

Спустившись из номера, я выяснил, что живу в самом-самом центре Мюнхена, на пешеходной зоне Шютценштрассе, в очаровательном отеле «Розенгартен», и до Штахуса, Мариенплац и Виктуалиенмаркта — центра международного туризма, куда стекаются зеваки со всех концов света, — мне буквально рукой подать! Три минуты неторопливым шагом при достаточно длительных остановках у магазинных витрин, поражающих российского обывателя сказочным изобилием.

В кармане у меня лежал конверт с «тагесгельд», а по нашему — просто суточными, в руках у меня был план центра города и фотоальбом «Мюнхен» с текстом на русском языке, любезно преподнесенный мне президентом во время вчерашнего обеда в ресторане.

Несколько немецких слов и выражений из фронтального разговорника, застрявших в моем мозгу лет сорок пять назад, показали мне достаточными для самостоятельной прогулки. Важно было только следить за собой и не пользоваться тем грозно-повелительным императивом,

которым грешат все военные разговорники. Но тут я рассчитывал на собственное обаяние...

В едином праздном течении я плыл среди сотен людей, болтающих по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-английски...

Маленькие дети хихикали по-польски, плакали по-арабски, перекрикивались по-испански и требовали мороженого по-сербски...

Я шел мимо старика с длинной седой бородой. На голове у него была спортивная шапочка с козырьком и надписью «Я люблю Нью-Йорк». Старик ползал на коленях по площади и цветными мелками быстро рисовал на каменных плитах огромные картины на библейские сюжеты.

Неподалеку от старика художника неопрятный маленький толстяк в свитере, с венчиком вьющихся волос вокруг внушительной лысины замечательно пел арию Каварадосси! Пел настоящим оперным голосом, но вдруг совсем по-раешному, в духе провинциального концеранса, неожиданно прерывал себя, чтобы потрепаться с публикой. А потом, так же неожиданно, начинал петь... партию князя Игоря!

Метрах в тридцати от Игоря-Каварадосси на костылях с подлокотниками стоял невысокий квадратный молодой парень восточного типа и безупречно жонглировал мячом, подбивая его головой, костылями, плечом, грудью. Короткие, почти безжизненные ноги, пораженные, наверное, полиомиелитом еще в младенчестве, были широко расставлены и представляли собою слабую и